

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

ЕЛЕНА ДУШЕЧКИНА

РУССКАЯ ЁЛКА

ИСТОРИЯ, МИФОЛОГИЯ, ЛИТЕРАТУРА

63.5

Д86

СА-406483

ЕЛЕНА ДУШЕЧКИНА

РУССКАЯ ЁЛКА

ИСТОРИЯ, МИФОЛОГИЯ, ЛИТЕРАТУРА

са-406483

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА

2024

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
Дерево в мировой мифологии	13
Культ деревьев на Руси	21
Ель в мировой мифологии	26
«Родины нашей питомица скромная»: Елка в русской народной традиции	45
Петровский указ 1699 года и его последствия	53
«Мы переняли у добрых немцев детский праздник»: Рождественское дерево в России первой половины XIX века	60
Русская елка во второй половине XIX века	76
«Милая немецкая затея»: освоение елки в России	76
«Там детство рождественской елью топорщится»: праздник рождественской елки	82
«В нашей школе тоже елка зажжена»: публичные елки	102
Мифология русской елки	107
Украшение елки. Елочные игрушки	138
Елочные подарки и их дарители	172
Пособия для проведения елки	187
Праздник елки в художественной литературе	194
Елка в русской жизни на рубеже XIX–XX веков	233
История елки после Октября 1917 года	253
Елка в годы Гражданской войны и послевоенной разрухи	253
«Стал я безродным, какое же мне Рождество?»: Рождественская елка русских эмигрантов	263

Антирождественская кампания. Борьба с елкой	270
Елка «в подполье»	277
«Реабилитация» елки	279
Елка Ильича	298
«Праздник радостного и счастливого детства в нашей стране»	315
«Мы весело пляшем у елки большой»	326
«Пусть детишки помнят праздник»	334
Мифологические персонажи праздника елки	343
Дед Мороз	343
Снегурочка	371
Литература	397

ДЕРЕВО В МИРОВОЙ МИФОЛОГИИ

Одухотворение и почитание деревьев, вера в то, что деревья являются живыми существами, в которые перешли души умерших, и что боги выбирают себе те или иные деревья для того, чтобы жить в них, издавна были свойственны всем народам. Переселившись в дерево, духи защищают человека от злых сил и неблагоприятных природных явлений. Существовали представления о «духе» или «душе» дерева. Их необходимо было «уважать соблюдением всех ритуальных требований от момента срубания живого дерева до момента его окончательной гибели» [241: 13].

Дерево воспринималось «носителем жизненных энергий, связывающих в единое целое мир человека, природы и космоса» [406: 12]. В зависимости от географических и климатических условий, а также местных традиций возникал культ дерева определенной породы, а вместе с ним и поддерживающие его обычаи. Объектом поклонения могли быть дуб, сосна, кипарис, ясень, эвкалипт и прочие деревья, в наибольшей степени характерные для той или иной климатической зоны. При этом считалось, что духи находят себе пристанище по преимуществу в наиболее раскидистых и высоких деревьях [см.: 159]. Особое предпочтение обычно отдавалось вечнозеленым растениям: сосне, ели, можжевельнику, кипарису и другим, поскольку, согласно бытовавшим верованиям, наполненность вечной

силой проявляется в них в большей степени, чем в деревьях лиственных.

Благоговейное отношение к вечной зелени известно с древнейших времен. В Греции главным священным деревом считался кипарис, в Риме поклонялись фиговому дереву Ромула, а также кизилу, росшему на склоне Палатинского холма. Признаки увядания этих деревьев вызывали чувство ужаса, поскольку их засыхание, утрата ими свежести воспринимались как болезнь живущего в дереве духа, который заболевает и умирает вместе с деревом [см.: 482: 131]. Во многих первобытных культурах порубка деревьев в запретные дни и их порча расценивались как преступление, убийство: виновник гибели дерева подвергался жестокому наказанию [см.: 241: 11–13]. Поэтому индейцы, например, использовали для хозяйственных нужд только те деревья, которые упали сами. Вдыхание дыма горящих ветвей священного дерева могло вызвать временную одержимость, которая, как считалось, наделяла человека способностью к предсказаниям [см.: 482: 8–11].

Стремясь получить от дерева поддержку, люди совершали различного рода обряды, в которых проявлялось поклонение ему и почитание его. Иногда ритуальные действия совершались вне дома, за пределами «домашнего» пространства. Люди шли в лес, в поле или к источникам, где росло почитаемое ими дерево или группа деревьев (священная роща, лес), которые могли служить предметом культа в течение многих лет или даже десятилетий: «...священное дерево, растущее возле источника, — явление едва ли не универсальное в религиозной практике» [337: 8].

Иногда культовое дерево срубали и использовали в праздничных процессиях, неся его впереди шествия. В результате само дерево погибало, но уверенность в том, что его использование, по существу «участие», в церемонии благотворно скажется на судьбе людей, побуждало

«РОДИНЫ НАШЕЙ ПИТОМИЦА СКРОМНАЯ»

ЕЛКА В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ

Употребление ели весьма разнообразно...
Д. М. Кайгородов. Беседы о русском лесе

— Ну, пошел же, ради бога! —
Небо, ельник и песок —
Невеселая дорога...

Н. А. Некрасов. Школьник

Являясь, подобно березе, одним из самых распространенных деревьев средних и северных широт России, ель издавна использовалась в хозяйстве. Ее древесина служила топливом, употреблялась в строительстве, хотя и считалась материалом не самого высокого качества, что нашло отражение в поговорке: «Ельник, березник чем не дрова? Хрен да капуста чем не еда?» [113: I, 519]. Упоминания о ели в древнерусских источниках (где она называется *елие*, *елье*, *елина*, *елинка*, *елица*) носят, как правило, чисто деловой характер: «дровяной ельник», «еловец» (строевой еловый лес) и т. п. В образе ели люди Древней Руси не видели ничего поэтического: еловый лес («елняк большой глухой») из-за своей темноты и сырости отнюдь не радовал глаз. В одном из текстов XVI века написано: «На той де земле мох и кочки, и мокрые места, и лес старинной всякой: березник, и осинник, и ельник» [416: 49]. Произрастая по

Деталь лубочной картинки «Изображение Сатира, показывавшегося в Испании в 1760 году», конец XVIII в. // Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Атлас. Т. 1. СПб., 1881. № 376. Нью-Йоркская публичная библиотека

преимуществу в сырых и болотистых местах, называвшихся в ряде губерний «елками», это дерево с темно-зеленой колючей хвоей, неприятным на ощупь, шероховатым и часто сырым стволом (с которым иногда сравнивалась кожа Бабы-Яги [78: 574]) не пользовалось особой любовью.

Вплоть до конца XIX века без симпатии изображалась ель (как, впрочем, и другие хвойные деревья) и в русской поэзии, как, например, у Ф. И. Тютчева:

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят.
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть век не желтеет,
Но ввек не свежа. [465: 40]

А поэт и прозаик рубежа XIX и XX веков А. Н. Будищев писал:

Сосны и мшистые ели,
Белые ночи и мрак.
Злобно под пенье метели
Воеет пустынный овраг. [63: 149]

В отличие от лиственных деревьев хвойные, по мнению А. А. Фета, «порú зимы напоминают», не ждут «весны и возрожденья»; они «останутся холодною красой / Пугать иные поколенья» [472: 183]. Лев Толстой в «Войне и мире», описывая первую встречу Андрея Болконского с дубом, также пишет о том неприязненном впечатлении, которое «задавленные мертвые ели» производят на героя: «Рассыпанные кое-где по березнику мелкие ели своей грубой вечной зеленью неприятно напоминали о зиме» [452: V, 161]. Отрицательное отношение к ели, ощущение ее как враждебной человеку силы встречается иногда и у современных поэтов, как, например, в стихотворении Татьяны Смертиной 1996 года:

Обступили избу ели,
Вертят юбками метели,
Ветер плетью бьет наотмашь...
Ты прийти ко мне не можешь! [420: 5]

РУССКАЯ ЕЛКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

«Милая немецкая затея»: освоение елки в России

...Какая умиротворяющая праздничная струя
носится в это время в воздухе.

М. Е. Салтыков-Щедрин

Освоение в России рождественской елки поражает своей стремительностью. Если в начале 1830-х годов о ней еще говорилось как о «милой немецкой затее», то в конце этого десятилетия она уже «входит в обыкновение» в домах петербургской знати, а в течение следующего становится в столице широко известной. В середине века из Петербурга, превратившегося в настоящий рассадник елки, она «развозится» по всей России: по ее губернским и уездным городам, а некоторое время спустя — и по дворянским усадьбам. К концу столетия елка была усвоена как в городе, так и в поместье.

Провинция, конечно, отставала от столицы, хотя и не слишком сильно: регулярные и разнообразные связи с Петербургом немало способствовали быстрому распространению елки. Отдельные свидетельства знакомства с ней провинциалов датируются началом 1840-х годов. Я. П. Полонский, отроческие годы которого прошли в Рязани, вспоминает, что до шестого класса гимназии (то есть примерно до 1838 года) он не видел ни одной елки и «понятия не имел,

О, дайте нам елку, волшебную елку
 С гирляндами пестрых огней;
 Заставьте томиться, заглядывать в щелку,
 Гореть у закрытых дверей! [195: 216]

Слух и обоняние детей обострились до предела: «Чувствуется приятный смолистый запах елки...» [441: 91]; «Пахнет хвойным деревом и смолой» [451: 66]; «Все чувства, как вскипевшее молоко, ушли через края — в слух» [493: 68]; «Пахнет смолкой свежий ельник / Из незапертых дверей» [215: 79].

Дети слышали, что «внизу... что-то несли, что-то шуршало... что-то протаскивали, и пахло неназываемыми запахами, шелестело проносимое и угадываемое...» [493: 68]; «Этот блеск, этот свежий, такой вкусный запах елки восхищали меня необычайно» [20: 563].

Когда же наконец все приготовления были закончены, детям либо подавался условный сигнал: «в ту же минуту раздался звонок» [188: 22–23]), либо за ними приходил кто-то из взрослых или слуг: «...слышим приближающиеся из залы шаги мамá к гостиной двери» [441: 92]; «Обычно мы, все дети, ждали в соседней комнате, пока двери не откроются и лакей Петр, в черном фраке и белых перчатках, не заявит торжественно „Милости просим!“» [413: 6]; «И когда уже ничего не хотелось как будто от страшной усталости непомерного дня... снизу, где мы до того были только помехой, откуда мы весь день были изгнаны, — раздавался волшебный звук — звонок!» [493: 68].

Наконец двери в залу открывали и детей впускали в помещение, где была установлена елка. Этот момент распахания дверей запечатлен во множестве мемуаров, рассказов и стихотворений: он был для детей долгожданным и страстно желанным мигом вступления в «елочное пространство», их соединением с волшебным деревом: «Наконец все готово. Двери залы отпираются... и из гостиной вбегаем мы»

Рисунок Р. К. Жуковского к книге Г.-Х. Андерсена
«Елка и Снежный болван» (СПб., 1875)

ЗАДА 18
ШКАФЪ 234
ПОЛКА 1
№ 242

ДѢТСКІЙ ПРАЗДНИКЪ ВЪ НОВЫЙ ГОДЪ.

Обложка книги П. В. Конюшкова «Детский праздник
в Новый год» (М., 1876)

Хромолитографическая картина в книге И. Кондратьева
«Стихи для поздравлений на всякие случаи в году» (М., 1886)

Первое время подарки готовились старшими членами семьи и предназначались только детям: «Детям в этот день готовится и елка с сладостями, и масса подарков... Старики для себя берут масленицу, а Рождество со святками отдают детворе» [425: 2]. О незабываемых

ЕЛКА В РУССКОЙ ЖИЗНИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Крепкий румяный русский год катился по календарю, с крашеными яйцами, елками, стальными финляндскими коньками, декабрем, вейками и дачей.

Осип Мандельштам. Шум времени

Сколько отдано елкам!

Борис Пастернак. Детство

К концу XIX столетия елка окончательно вписалась как в домашний праздничный интерьер, так и в рождественский городской пейзаж: «...в настоящее время и праздник не в праздник без красавицы елки» [336: 108]. Утвердилось представление о том, что разукрашенное еловое дерево испокон веков было обязательной принадлежностью русского Рождества: «Елка в настоящее время так твердо привилась в русском обществе, что никому и в голову не придет, что она не русская», — писал В. В. Розанов в 1902 году [371: 152]. В начале XX века под этими словами могли бы подписаться многие: привычность елки привела к тому, что она стала восприниматься как народный по своему происхождению обычай.

Как и раньше, в первую очередь елка готовилась для детей:

...рождественский праздник называют детским праздником: хоть раз в году дети становятся героями дня; около них сосредоточиваются все заботы [29: 192].

«Адам и Ева». Автотипия Эд. Гоппе по картине
Марии Вунш (журнал «Всемирная иллюстрация».
1896. Том 56. № 1456)

Изменения, произошедшие к концу века в праздничном ритуале, сказывались на восприятии елки детьми. Встреча детей с елкой, которую теперь все реже готовили втайне от них, происходила до того, как она устанавливалась в доме. Дети гуляли в «лесах» елочных базаров, наблюдали за тем, как елку вносили в дом, видели, как она, еще не

ИСТОРИЯ ЕЛКИ ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Елка в годы Гражданской войны и послевоенной разрухи

Коренная ломка, которую переживала Россия во время революции и Гражданской войны, не могла не отразиться и на судьбе елки. В эпохи, когда рушится мир со всеми его устоями, люди думают не столько о соблюдении обычаев, сколько о своем физическом выживании. Читая дошедшие до нас дневники времен Гражданской войны, видишь, как часто их авторы не замечая проходят мимо столь значимых для них в прошлом календарных дат либо (реже) останавливаются на них, чтобы выплеснуть на бумагу свои горестные раздумья. «Последний день старого года. Проклятый год междоусобицы и всяких болезней. Где мы — на гребне великих испытаний, или не достигли еще вершины страданий, или еще суждено пережить нам многое, многое...» — пишет Г.А. Князев 31 декабря 1919 года [196: 177]. Обрядовая жизнь затухает, а календарное время вместе с его праздничными днями как бы перестает существовать, лишь иногда напоминая о себе неожиданно возникающим особым «чувством праздника»: «Рождество. Пришел домой, переоделся. Несмотря ни на что, чувствуется праздник...» — записывает в день Рождества 1920 года Н.В. Устрялов, которого после революции судьба забросила сначала в Иркутск, а затем в эмиграцию, в Харбин [469: 326]. И все же поскольку

КОЛОННЫЙ ЗАЛ

ДОМА СОЮЗОВ

НОВОГОДНЯЯ ЕЛКА

Игры. Хороводы. Пляски. Призы. Катание с горки. Карусель. Елочные спорилы.
Герои детских сказок и кино-фильмов среди детей. Выставка игрушек.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ АРТИСТОВ МОСКОВСКИХ ТЕАТРОВ
ЭСТРАДЫ, ЦИРКА.**

КАЖДЫЙ УЧАСТНИК ПРАЗДНИКА ПОЛУЧИТ ПОДАРОК.

с 1 по 10 января 1937 года. ЕЖЕДНЕВНО для детей от 8 до 12 лет — с 12 часов дня.
для детей от 12-ти лет и старше с 6 час. веч.

БИЛЕТЫ В ОБЛАСТНЫХ КОМИТЕТАХ ПРОФСОЮЗОВ.

Новогодняя елка: Игры. Хороводы. Пляски... Плакат. [Худож.] Б.Б.; Колонный зал Дома Союзов. [Б.м.]: Литография МОСПС, [1937]. РГБ

«Елка». Рисунок Ю. Васнецова из книги
«Круглый год. Книга-календарь для детей на 1948 год»

Печатаются книжки о елке и местными издательствами. В Свердловске, например, в 1940 году был выпущен сборник «Морозко», куда вошли сказки, песни, рассказы, загадки и поговорки о зиме, детских зимних забавах, елке, морозе и пр. [см.: 276]. Хотя и в этой книжке было вполне

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДОМ КУЛЬТУРЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ

ЕЖЕДНЕВНО С 1—10 ЯНВАРЯ 1944 ГОДА
ало утренников в 10 ч. и 2 ч. дня (Комсомольская пл. 112/1)

Елка для детей железнодорожников: Концерт, игры, аттракционы.
Ежедневно 1—10 января 1944 года... Плакат неизвестного автора.
М.: Трансжелдориздат, 1943. РГБ

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ ПРАЗДНИКА ЕЛКИ

Дед Мороз

И Дед Мороз приходит в гости
Попить с ребятами чайку.

М. А. Светлов. Зима

В восточнославянской мифологии культ Мороза прослеживается в народных сказках, а также в представлениях, связанных со Святками, в обрядности которых он играл важную роль. Культ Мороза отразился в ритуале его «кликанья» и «кормления» накануне Рождества, в Велик день и в другие переломные моменты года, определяющие будущее. Мороз «задабривали», кладя на подоконник или на крыльцо ложку с кутьей или киселем, приговаривая: «Мороз, Мороз! Приходи кисель есть; Мороз, Мороз! Не бей наш овес!»; «Мороз, Мороз, иди кутью есть, а улетку по гречисе не волочися: будем железной пугой бить»; «Мороз, Мороз! Иди в хату кутью есть. Зимой ходи, а летом под колодой лежи» и др. В народной традиции Мороз представляется существом, живущим в лесу. В деревню он заходит только затем, чтобы попугать людей. Когда он ходит по деревне, то постукивает ледяным молотком в стены или двери и окна. Маленьких ребят унимали стуками молотка в стену: «Погоди, Мороз идет, он тебя...» [78: 164]. Под Новый год молодые люди хоронили соломенное чучело

Г. Нарбут. Иллюстрация к сказке «Снегурочка»
из книги «Сказки. Горшени, Снегурочка». Санкт-Петербург:
Издание Русского чтения, 1906

Б. Зворыкин. Снегурочка в лесу. 1925.
Метрополитен-музей. Нью-Йорк, США

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**